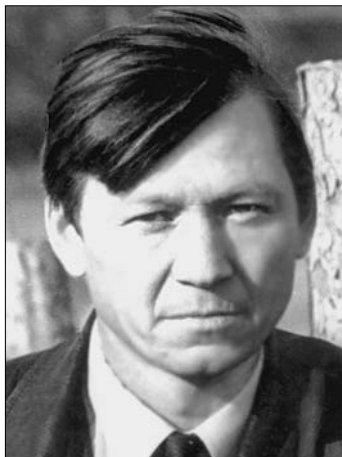

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

И КАЖЕТСЯ, ЧТО ВСКРЫТЫ ВЕНЫ...

* * *

На Запад дороги — давно уж обжиты...
Зато на Восток не достроят никак...
Юг мучает зависть и гложут обиды,
а Север — тяжёлого прошлого мрак.

Но я остаюсь на земле человеком —
по духу и крови российский поэт.
Пусть голос застужен морозом и снегом,
пусть в сердце чуть теплится вечности свет...

Зажравшийся мир ожидает расплата
за годы, прожитые в долг без стыда.
Но — Русь моя в кризисе не виновата, —
претит моей Родине злая вражда...

И пусть я пою в честь грядущего славно,
не мне, а потомком моим суждено —
поверить, что счастье совсем не обманно —
что в жизни — открыто любому оно...

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт своего поколения, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья, постоянный автор журнала "Наш современник".

И всё-таки к смерти приду я однажды,
поскольку никак не могу не прийти...
Но, Боже, за то, что я жив ради правды,
меня за грехи осуди!.. И — прости!

* * *

В разлуке лью скупые слёзы
и вспоминаю свет ольхи,
как в том краю сильны морозы,
как ветры жгучие лихи...

Но чем суровей, словно время,
тем и дороже отчий край.
Он выковал меня, как лемех —
поди попробуй заломай.

Он дал мне душу, дал мне руки
и даровал любовь, как жизнь...
На все грядущие разлуки
светло напутствовал: держись!

А вы про Кипр, а вы про Тарту...
Да успокойтесь, — господа.
Поставьте лучше жизнь на карту, —
со мной махните в холода...

И — рады будете, ей-богу,
тому порукой — жизнь моя, —
в ней наморозил я дорогу —
по снегу — в звёздные края!..

* * *

В далёкой юности — ружьишком
любил — свой дух повеселить...
Но по тайге и марям рыскал
без мысли хоть чирка добыть.

И без меня дурак найдётся!..
А я, пусть даже и за страх,
но видел, как с рассветом солнце
лось нёс на золотых рогах!

А песни птиц — в судьбе суровой
нельзя не помнить, что от них
вдруг, как от страсти родниковой,
вновь оживал в трудах земных.

Ночных небес струились реки —
и мне казались в свете звёзд
совсем родными — человеки,
живущие — за сотни — вёрст...

И — не было судьбы рассветней...
И, может быть, стихи в душе
поэтому — взмывали ветром,
да так, что — не унять уже.

Я по тайге и марям рыскал —
без мысли хоть чирка добыть.
И пусть меня простит ружьишко,
чье дело — лишь в упор палить...

* * *

Проклятый дождь... как надоело! —
уже не день, не два, а месяц —
он льёт и льёт с упорством смелым,
туманы плотные — развесив...

И жатва, лишь начавшись, встала, —
по ступицы — увязли жатки
в земле, раскисшей небывало...
А ведь с дождя все взятки гладки...

В валках — неубранное сено,
созревший, но не сжатый колос...
И кажется, что вскрыты вены,
и кажется — что сорван — голос...

* * *

Пришёл я, чтоб страдать, увы,
и мне не страшно потому,
что вдруг порой из синевы
сползаю в грозовую тьму,
неважно — боли или зла, —
ведь всё равно, в конце концов,
откроется вновь даль, светла,
когда я буду петь готов...

Молчание души — беда,
поскольку свыше мне дано
пылать словами, как звезда,
когда — угрюмо и темно,
но не на сердце, а вокруг,
где радость сникла, как трава,
где от тяжёлых, чёрных мук
любовь святая чуть жива...

Но если я — ещё живой,
то, значит, в этом правда есть:
хотя бы в тишине ночной
стихи Есенина — прочесть
для той, что рядышком сидит
и слушает меня до слёз...
А за окном листвою звенит
чета — обнявшихся — берёз.

И я — уйду, когда — хочу,
но прежде — хоть одним стихом
вдруг чью-то душу освещу —
надеждой, что земля — мой дом —
источник света и тепла,
ну и, конечно же, любви!
О чём, сложив свои крыла,
на ветках — свищут соловьи.

ПЛАЧ ПО ОТЦУ

Смерть забрала отца в сентябрьскую грозу.
И что теперь слова, как он меня любил.
И зря пытаюсь я смахнуть с щеки слезу, —
другая — набежит — смахнуть её нет сил...

А боль в груди остра, и горько одному...
Как будто я сражён — ударом роковым...
И, призывая свет, увижу только тьму,
в которой не найду пути к огням живым...

Коптит, а не горит — души ночной фонарь,
и лишь осталось мне пить горькое вино...
О молния! — хоть ты жизнь озари, как встарь, —
чтоб, заплутав во тьме, не канул я на дно...

Да, смерть отца — навек тяжёлый, злой рубеж,
но если я его пройти смогу, то вновь —
я встречу ли рассвет, где, радостен и свеж, —
верну свои стихи, верну душе любовь?

Всё в жизни может быть, лишь надо пережить
несчастье до конца, что б ни стряслось со мной...
И пусть Господь простит, что я, спеша любить
и верить — об отце не вспоминал — порой.

Вступаю в Божий храм, где в тайной тишине
молюсь за жизнь души отца на небесах.
Молюсь — и слёзы лью, — но слышу, как во мне
жизнь новая встаёт в алеющих лучах...

Но зря пытаюсь я смахнуть с щеки слезу, —
другая — набежит — и не оставит сил...
Смерть забрала отца в сентябрьскую грозу.
И что теперь слова, как он меня любил.

ОДНОЛЮБЫ

Милая! Я — так тебя — люблю!
Можно ли любить сильнее? Не знаю!
Утром с твоим именем встаю,
полночью блаженно засыпаю.

Час назад ушла ты по делам,
а мне кажется, что безвозвратно!
Подступает враз к сухим глазам
горечь слёз, — откуда? — непонятно?

Ведь вернёшься точно, знаю я,
и, как солнце, полыхнёт улыбка.
Слово скажешь — и душа моя —
запоёт, как золотая скрипка...

Ничего — от жизни не хочу:
ни наград, ни денег, ни бессмертья, —
лишь бы восходить, как по лучу,
к твоему огню — из круговерти.

Милая! О, как же ты светла!
В твою честь в душе играют трубы!
Не случайно нас судьба свела, —
Видно, знала, что мы — однолюбы.

ВО ТЬМЕ

Вот ещё — одну ночь пережили,
но — готовиться надо к другой...
День тяжёл, как бурлящие мили,
и тягуч, как полуденный зной.

Мы пришли в этот мир неслучайно,
и живём по любви неспроста, —
чтоб открылась небесная тайна,
и бессмертная святость Творца.

Но зачем сердце мучают страхи
перед тьмой непроглядной, когда
звёзды, словно глаза росوماхи,
хищно смотрят на нас сквозь года?

Неужель мы до слёз — не страдали,
иль напротив — у горних высот
слишком долго, смеясь, ликовали,
что теперь даже счастье не в счёт?

Боже мой! — вновь вопросы, вопросы!
И — попробуй ответ не найти, —
сердце рухнет, как поезд с откоса,
но во тьме — нет иного пути...

* * *

Живут в душе воспоминанья
о трижды проклятой войне...
От ран, на соловьиной рани, —
отец мой умер. Горько мне.

Я пережил отца — на годы
и до сих пор сполна живу, —
примерный сын родной природы,
познавший счастье — наяву.

Но, потеряв отца — неправо,
хлебнул я горюшка с лихвой.
И — потому войне кровавой
я счёт могу представить свой.

Я и представил бы, да только
нет смысла прошлым сердце рвать!
И значит надо, как ни горько,
Мир вдохновенно воспевать!

Он, правда — этого достоин,
хотя бы тем, что счастлив я,
что сердце бьётся в непокое
любви — под пеньё — соловья!

* * *

Я люблю свою жизнь и рассветное время,
только что же ты плачешь, ночная свеча?
Не легко слушать этих ведущих, а с теми,
если можно работать, то как, вполплеча.

Разберёмся со всеми! Придут наши годы!
Что мне свет или тьма? Всё земное — со мной:
и синицы — поют, и чисты — небосводы,
и под каждую ёлку — гриб моховой.

Я не скоро умру, вы печалиться бросьте!
Я ещё не родился, а лишь — на часок —
заглянул к уходящему времени в гости —
и услышал — младенческий свой голосок...